Национальная модель зеленой экономики

// 28.07.2016
https://uzkimyosanoat.uz/ru/press/news-economy/nacionalnaya-model-zelenoy-ekonomiki

Первыми начали переход к зеленой экономике чемпионы по так называемому green recovery package – инвестициям в зеленый рост после кризиса 2008–2009 гг. К этим странам относятся Корея (80,5% от всех финансовых стимулирующих мер соответствуют экологическим критериям), Китай (37,8%) и Франция (21,2%). Одним из драйверов зеленого роста в этих странах является сохранение национальной энергетической безопасности. Очевидно, что переход к зеленой экономике в странах, импортирующих и экспортирующих углеводороды, должен быть разным. В этом смысле показательно, что свою концепцию перехода к зеленой экономике принял в 2013 г. Казахстан.

России необходимо начать создавать и формулировать национальную модель зеленого роста. Согласно многочисленным исследованиям на границе 2030 г. нефть и газ будут уходить на второй план как основные источники энергии. Принципиальное отличие XXI в. от XX в. будет состоять в том, что глобальный рынок углеводородов перестает быть рынком продавца.

Это особенно важно с учетом того, что отказаться от добычи и экспорта углеводородов (25% ВВП России и 66–68% стоимости экспорта в предыдущие годы) в среднесрочной перспективе невозможно. Нельзя заснуть с ресурсной экономикой и проснуться Южной Кореей или Швецией с низкоуглеродной экономикой и доминированием производств высокого передела. Важно понимать, какими конкурентными преимуществами могут и должны обладать экспортируемые из страны природные ресурсы. В ближайшие 8–10 лет и с учетом уже произведенных инвестиций в разведку, добычу и транспортировку углеводородов экономика страны во многом сохранит свою направленность на экспорт природных ресурсов.

Соответственно, формирование российской модели зеленой экономики и зеленого роста может быть условно разделено на три самостоятельные задачи:

– снижение общей антропогенной нагрузки экономики на окружающую среду и формирование репутации наиболее экологически ответственного экспортера природных ресурсов в мировом разделении труда;

– повышение эффективности потребления природных ресурсов и энергоэффективности экономики при одновременном обеспечении возможностей для технологической модернизации и формирования экономики более высоких переделов и при параллельном формировании финансовых механизмов и ресурсов для такой модернизации;

– улучшение правового регулирования с целью минимизации экологических рисков при реализации инфраструктурных мегапроектов в рамках «Шелкового пути».

Необходимость одновременного решения первых двух задач обусловлена тем, что повышение энерго- и ресурсоэффективности экономики не приведет автоматически к увеличению возможностей экспорта электроэнергии, углеводородов и других природных ресурсов, если они не будут соответствовать признанным на международном уровне стандартам экологической ответственности и/или устойчивости природопользования.

План первых шагов

Определим круг инструментов формирования национальной модели зеленой экономики.

1. Начало формирования – в 2017–2018 гг. 3–5 модельных региональных рынков карбоновых квот (например, Москва, Татарстан, Санкт-Петербург, Архангельск – т. е. регионы с невысокой долей безальтернативной угольной генерации) – такая опция заложена в обновленной «Энергетической стратегии России до 2030 г.». На базе этого опыта в 2020 г. нужно начать формирование национального рынка квот на выбросы парниковых газов. В Китае в 2013–2014 гг. было запущено семь региональных модельных рынков (включая Пекин и Шанхай), а в 2017 г. запланирован запуск общенационального рынка карбоновых квот.

Одновременно целесообразно определить целевые индикаторы развития возобновляемой энергетики (в Китае – 15% к 2020 г. и 20% к 2030 г.), а также показатели увеличения объема сохраненного углерода в лесах в результате улучшения борьбы с пожарами и повышения качества ведения лесного хозяйства (в том числе с учетом опыта реализации российско-германских проектов на р. Бикин).

2. Максимально широкое внедрение добровольных международных стандартов экологической ответственности и энергоэффективности, таких как лесная (FSC) и морская (MSC) добровольные сертификации, зеленые стандарты домостроения (LEED, BREEAM и др.) и проч. Включение требований соответствия природопользования международным экологическим стандартам при проведении аукционов и конкурсов на право ресурсопользования (например, обязательность при продлении аренды), строительства и т. п. Постепенный отказ от восприятия международных экологических стандартов как «инструмента влияния геополитических конкурентов» и активное участие в формировании данных стандартов.

3. Публичность данных по энерго- и ресурсоэффективности компаний и стратегическое корпоративное планирование развития с использованием этих показателей. Обязательность раскрытия экологически значимой информации в нефинансовой отчетности госкомпаний и госкорпораций. В 2012 г. Владимир Путин подписал поручение по внедрению международных экологических стандартов и развитию нефинансовой отчетности (отчетности об устойчивом развитии) в госсекторе для 22 госкомпаний и госкорпораций. Проверка в 2014 г. показала, что только 11 из 22 компаний выполнили правительственную директиву, причем в основном с использованием устаревшего стандарта. В то же время настойчивость WWF России по обеспечению публичности данных по утилизации нефтяного попутного газа (НПГ) в 2011–2015 гг. привела к существенному улучшению положения: в среднем по отрасли использование НПГ в 2015 г. достигло 86%.

4. Экологизация государственных, муниципальных и корпоративных закупок (в первую очередь компаниями госсектора), направленная в том числе на стимулирование использования добровольных экологических сертификаций.

5. Новые инструменты финансирования. Мир понимает, что для перехода к более экологически ответственным и эффективным технологиям требуется преодоление финансового барьера. Наблюдается бум развития финансовых механизмов для экологического технологического обновления, в том числе путем выпуска частных зеленых облигаций. В России нет опыта подготовки и размещения облигаций для решения острых экологических проблем и, соответственно, успешной реализации корпоративных проектов по замене устаревших и грязных технологий. Появление практики выпуска частных зеленых облигаций способствовало бы системной экологизации наиболее грязных отраслей экономики и их переходу на «Наилучшие доступные технологии» (НДТ/BAT).

6. Важно перенять лучший практический опыт Green Credit Scheme Китая (с 2012 г.) по внедрению зеленого кредитования. В частности, возможно кредитование российскими госбанками и

обеспечение финансовыми гарантиями только проектов с открытыми показателями энерго- и ресурсоэффективности, соответствующими лучшим мировым секторальным показателям. Создание национального экологического фонда и/или зеленого банка для аккумуляции «прокрашенных» экологических платежей и формирования новых инструментов финансирования проектов экологической модернизации и драйверов зеленого роста.

7. Предпочтение работы с экологически ответственными источниками длинных и дешевых финансовых ресурсов. Многие частные пенсионные фонды и другие финансовые инвесторы вкладывают в соответствии с «Принципами ответственных инвестиций», принятыми 10 лет назад под эгидой ООН (сейчас это около 1500 подписантов) и собственными политиками экологической и социальной ответственности. Размер этих средств очень велик и вырос в течение 10 лет в 10 раз, достигнув в 2016 г. $62 трлн. К сожалению, эти средства не идут в Россию ввиду высокого уровня экологических рисков и низкого уровня экологической ответственности компаний. За исключением Внешэкономбанка, который с 2013 г. является участником Финансовой инициативы UNEP, ни один финансовый институт России не является участником международных механизмов экологической ответственности.

8. Важна преадаптация к возрастающим требованиям по раскрытию экологически значимой информации на основных мировых фондовых биржах, включая азиатские; создание индексов устойчивого развития и внедрение экологических требований и на российских фондовых биржах.

Трансграничные проблемы

Россия не ратифицировала Конвенцию об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо, 1991), не подписала и не ратифицировала Конвенцию о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция, 1998), хотя еще в 2011 г. Дмитрием Медведевым были даны поручения об их ратификации.

Отказ от ратификации Орхусской конвенции – главная причина закрытости информации о реальном воздействии грязных производств на здоровье россиян. Достаточно напомнить, что виновник выброса сероводорода 10 ноября 2014 г. в районе Кожухова, под прямое воздействие которого попало несколько миллионов москвичей в юго-восточных районах Москвы, формально так и остался неустановленным, хотя жители Капотни в течение многих лет страдали от ночных выбросов с Московского НПЗ. Отсутствие доступа населения к объективной информации об экологическом воздействии является ведущим фактором, препятствующим экологической модернизации экономики России.

Затяжная история с ратификацией Россией Конвенции Эспо и Протокола по Стратегической экологической оценке (СЭО) по крайней мере частично обусловлена тем, что страны Евросоюза не рассматриваются в России как источник значимых экологических угроз даже в условиях «западного переноса» воздушных масс. Требования Конвенции Эспо воспринимались до последнего времени как потенциальный барьер для основных мегапроектов «Газпрома» – «Северного потока» и «Южного потока». Для строительства «Северного потока» правительство России брало специальные обязательства по соблюдению требований Конвенции Эспо. В то же время ратификация Конвенции Эспо Россией (конвенция ратифицирована Казахстаном и Киргизией) – это фактически единственный инструмент, позволяющий требовать проведения СЭО трансграничных проектов «Шелкового пути» и оценки их кумулятивного эффекта. О высокой актуальности трансграничных экологических проблем при развитии проектов «Шелкового пути» свидетельствует и выступление Путина на встрече с президентами Китая и Монголии 23 июня в Ташкенте.

Тем не менее есть и положительные примеры. Забайкальский край, Кемеровская и Амурская области начинают СЭО новых планов развития. Другой пример: En+ («Евросибэнерго») и WWF

России в 2013–2015 гг. сделали СЭО размещения новых ГЭС на Дальнем Востоке с целью уменьшения экологического ущерба и рисков.

Системная реализация предлагаемого комплекса мер и решений может и должна стать программой национальной модели зеленого роста нашей страны.

Источник: www.vedomosti.ru